

**MUSA KUNDUKHOV
AS A FIGURE OF MEMORY.
THE MOSAIC OF IDENTITIES**

Ruslan Mamedov

ruslan.dziub@gmail.com

The article analyzes the usage of the images of Musa Kundukhov, the Ossetian Major General of the Russian Imperial Army and, later, the Brigadier General of the Ottoman army (1818–1889), in constructing the narratives of collective memory. The author examines how the image of Musa Kundukhov, as a figure of collective memory for more than a hundred years, have been used by several authors to construct identities and shape memories of historical events and traumas. The article shows how the figure of Kundukhov was transformed in various narratives, sometimes was “reborn” and sometimes sinking into “oblivion,” depending on their involvement in topical discussions.

Keywords: *Figure of memory, the muhajirun, colonial intermediaries, identities, images, narrative.*

Faculty of Humanities,
National Research University
Higher School of Economics
Ruslan Mamedov

МУСА КУНДУХОВ КАК ФИГУРА ПАМЯТИ. МОЗАИКА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ*

Руслан Мамедов
ruslan.dziub@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/ismlg.10.1.04>

В статье анализируется конструирование коллективной памяти с помощью образа генерал-майора российской императорской армии, впоследствии бригадного генерала Османской армии, Мусы Алхастовича Кундухова (1818–1889). Рассматривая Мусу Кундухова в качестве фигуры памяти, автор показывает, как на протяжении более чем ста лет бытования его образа ряд авторов использовал его для конструирования коллективных идентичностей, формирования памяти о событиях и травмах.

Руслан Мамедов
факультет гуманитарных наук НИУ
«Высшая Школа
Экономики»

В статье анализируется, как фигура Кундухова трансформировалась в различных нарративах в зависимости от их включенности в актуальные дискуссии, то «возрождаясь», то предаваясь «забвению».

Ключевые слова: фигура памяти, мухаджирство, посредники, идентичности, образы, память.

«– Сейчас с тобой говорит не царский генерал и не турецкий паша, – заторопился Кундухов, глядя на Арзу снизу вверх. – С тобой говорит такой же горец, как ты, как все они... Резким движением Арзу вырвал свою руку из руки Кундухова и долгим пронзительным взглядом в упор разглядывал бывшего генерала... Страшные оскорбления вот-вот готовы были сорваться с его языка. Но Арзу только скрипнул зубами. И промолчал...

– Говори! – не выдержал тогда сам Кундухов. – Что ты хотел сейчас произнести?

– Я хотел сказать, – Арзу перебел дух, злость мешала ему, – что ты – собака. Но сказать так, значило бы оскорбить собаку, потому что она намного благороднее тебя. Она всегда и всюду верна своему дому, своему хозяину. Ты же изменил своему хозяину – царю, своему дому – родине, изменил всем, кто в тебя верил. Будь я один, я бы вывернул ваши черные, грязные души...

* Я благодарен О.Ю. Бессмертной за ценные замечания, высказанные в ходе подготовки статьи..

- *Наберись терпения и выслушай меня до конца!* — взмолился Кундухов.
 – *Я не ребенок и не баба. От красивых слов я не таю.*
 – *Клянусь Аллахом, я говорю правду!*
 – *Чтобы русский генерал или турецкий паша сказал правду?* — рассмеялся Арзу. — *Не надо нам сказок, Муса.*
 – *Пойми же ты наконец, что перед тобой сидит такой же горец-изгнанник, как и ты, как все они,* — Кундухов кивнул головой в сторону переселенцев и с минуту помолчал...»¹ (Айдамиров, 1996, с. 528–529).

В начале марта 1856 года пятитысячная партия кавказских горцев-эмигрантов направилась к границам Османской империи, ее возглавлял осетин, мусульманин, бывший генерал-майор российской императорской армии Муса Кундухов. Диалог, подобный тому, что приведен выше, вообразенный в романе «Долгие ночи» чеченским писателем второй половины XX века Абузаром Айдамировым, действительно мог иметь место во второй половине XIX века. Кундухов здесь беседует с чеченцем Арзу, который является одним из тех, кто в свое время покинул Кавказ вместе с Кундуховым. Разочаровавшись в эмиграции, Арзу обвиняет Кундухова в предательстве и обмане и решает возвратиться домой.

Следует отметить, что в этой статье меня не интересует точное установление фактов и биографий. Напротив, обращаясь к случаю одного из главных героев этого романа, я попытаюсь проследить, как на протяжении более чем ста лет авторы использовали образ Кундухова в качестве фигуры памяти, как, вновь и вновь возвращаясь к истории Кундухова, его вписывали в процесс формирования дискурсов травмы, памяти, мифа.

С тех пор как ученые выдвинули идеи об историческом, изменяющемся конструировании наций (см., напр., Anderson, 1990, p. 240), те перестали восприниматься только как органические формы существования народов. Со временем некоторые исследователи обратили внимание на то, что конструированию подвержены не только нации, но и иные, менее многочисленные группы и даже отдельные персонажи (Шенк, 2001, с. 141–164), иногда сознательно использующие различные популярные перформативные практики для формирования и репрезентации своего образа (Бессмертная О.Ю., 2011, с. 75–89.). Исходным положением многих исследований этого направления является идея о том, что благодаря использованию ключевых мест, фигур, событий, под влиянием различных внешних и внутренних факторов формируется представление о прошлом, настоящем и даже будущем отдельных сообществ и даже целых народов².

Обращаясь к случаю Мусы Кундухова, я попытаюсь понять, как его фигура интерпретировалась и выстраивалась в различных дискурсах. В этой статье я также ставлю задачу обратить внимание на то, как образы героя статьи конструировались, в том числе им самим через эгонарратив, и сталкивались между собой. Рассматривая отдельные моменты биографии Мусы Кундухова, я выделяю лишь несколько ключевых сюжетов, благодаря которым мы сможем обратить внимание на то, как его образ то «возрождался», то вновь предавался «забвению» под влиянием различных событий и акторов. Я заимствую концепцию, впервые сформулированную Морисом Хальбваксом, согласно которой «...вспоминая о чем-либо, мы отправляемся от настоящего, от всегда доступной

1. (Здесь и далее приведенные цитаты подаются с сохранением авторской пунктуации и орфографии — Р.М.)

2. О том, как травма Холокоста определяет политику коммеморации и формирует представления о прошлом и будущем, см.: Алейда Ассман, 2018, с. 328.

нам системы общих понятий, от принятых в обществе языка и ориентиров, то есть от всех тех средств выражения, которые общество предоставляет в наше распоряжение, и комбинируем их, чтобы вспомнить ту или иную деталь или оттенок событий и фигур прошлого...» (Хальбвакс, 2007, с. 57). Благодаря этому подходу я попытаюсь обратить внимание на то, как образ Мусы Кундухова кооптировался в различные актуальные дискуссии, изменял их и изменялся сам.

Выходец из семьи осетинского старшины, Муса Кундухов в 12-летнем возрасте, в 1830 году, в качестве аманата³ попал в Павловский кадетский корпус в Санкт-Петербурге, откуда по истечении шестилетнего обучения он был выпущен в должности корнета при кавалерии и направлен на Кавказ для несения службы. Там, уже в 1837 году, он сопровождал в качестве переводчика императора Николая I во время его посещения Кавказской линии (Ганич, 2008, с. 109–120). Послужной список Кундухова представляется образцовым для имперского военного. Он участвует в подавлении сопротивления горцев Кавказа, а также в заграничных походах Российской армии в Венгрию и Польшу в 1848 году (Дзагурова, 1992, с. 42–47). Возглавляет Владикавказский и Чеченский округа Терской области и награждается рядом российских и заграничных орденов (Высшие чины..., 2019, с. 506). Однако после окончательного водворения российской власти на Кавказе Кундухов принимает решение склонить к эмиграции в Османскую империю несколько тысяч горцев, при этом лично возглавив это движение. Эмигрировав и поступив на службу Османской империи, Кундухов принимает участие в очередной русско-турецкой войне 1877–1878 на стороне османских войск. После Кундухов остается на османской службе. Выйдя на пенсию, он поселился в Эрзеруме, где и жил до смерти в 1889 г. (Чочиев, 2006, с. 65–76). Авторы, указанные мною выше, интересовались различными сюжетами биографии Кундухова, порою вписывая ее в общеимперский контекст (Khodarkovsky, 2009, pp. 149–165). Однако, как я уже указывал в начале статьи, меня интересует не столько установление фактов биографии моего героя, сколько то, как различные акторы конструировали, представляли, вспоминали о них.

Возглавив одну из наиболее многочисленных и организованных волн эмиграции кавказских горцев после окончания Кавказской войны, Кундухов еще при своей жизни стал для ряда кавказских авторов олицетворением движения, именуемого мухаджирством⁴. Уже спустя чуть более десяти лет после эмиграции Кундухова его образ начал использоваться для «вспоминания» об этом движении, которое к тому же все еще продолжалось. Заметки, опубликованные в кавказской прессе в последней четверти XIX века, которые будут рассмотрены мною ниже, имеют аналогичную цель и сходную прагматику с мнениями, выраженными в это время российскими имперскими чиновниками. Опасаясь, что эмигранты-мухаджиры могут стать козырем османской армии, как это было в русско-турецкую войну 1877–1878 гг., в ходе которой Кундухов возглавил отряды кавказских горцев-эмигрантов на стороне Османской империи, Российская империя в этот период стремилась уменьшить поток эмигрантов, используя их в «демографических войнах», участие в которых принимала и османская сторона, поскольку, переселяя лояльные или враждебные группы населения, имперские

3. Колониальная практика, в рамках которой представители кавказской знати отправлялись в высшие учебные заведения империи, после окончания которых они возвращались на Кавказ, но уже в качестве имперских представителей. Об аманатах см.: Майка Ходарковский, 2019, с. 80. О неоднозначной трактовке практик аманатства см.: Озова Ф.А. 2009, с. 81–97.

4. О неоднозначной трактовке терминов «мухаджир» и «мухаджирство» в данном контексте см. обзорную работу: S.L. Dudarev, 2017, pp. 525–532). Об архивных источниках о мухаджирстве см.: Бобровников В.О., 2008, с. 313–333.

представители с обеих сторон использовали их для формирования будущего плацдарма для наступления или обороны (Бобровников В.О., 2010, с. 67–78).

Одним из первых вопросов об эмиграции горцев и роли Кундухова в ней поднимает осетинский писатель и публицист Инал Кануков (1850–1899) на страницах газеты «Кавказ», издававшейся в Тифлисе («Кавказ», № 267). Он оставил заметки о своем путешествии по территории Карсской области, которая по Сан-Стефанскому мирному договору незадолго до этого отошла от Османской империи к России. Отправляясь понаблюдать за оставленными жилищами горцев-переселенцев, которые покинули эти территории и ушли вместе с османской армией, Кануков желает узнать: «пользуются ли переселенцы всеми теми удобствами, которые они ожидали обрести в Турции» (там же, с. 1). Из заметок Канукова мы узнаем, что он также был одним из эмигрантов, но вернулся вместе со своей семьей в Российскую империю. Размышляя об обманутых переселенцах, Кануков писал о «наивном доверии горцев, поддавшихся пропаганде фанатиков-агитаторов, знавших о той стороне, в которую потянули горцев, столько же, сколько о Китае, и уверявших горцев в том, что [в России] их детей скоро будут забирать в солдаты и насильно крестить» (там же, с. 1). Обсуждая мотивы, побудившие Мусу Кундухова возглавить переселение в Турцию, Кануков упоминал о преобладающем мнении среди оставшихся на Северном Кавказе горцев, согласно которому Кундухов организовал это переселение, движимый исключительно корыстью («Кавказ», № 275, с. 2). Автор отмечал, что с Кундуховым переселились преимущественно представители «чеченского племени» и, будучи расселенными на территории Малой Азии, «чем они были недовольны», они обвиняли Кундухова, которого заподозрили в умышленной пропаганде переселения ради его личных интересов (там же, с. 2). Кануков также упоминает о слухах, что горцы собирались убить М. Кундухова за то, что он обманул их, уговорив переселиться в Турцию и покинуть родину, «где они жили так спокойно» (там же, с. 2).

Кундухов представляется в заметках Канукова умелым дельцом, бросившим своих земляков сразу же после того, как он получил высокий чин в османской армии.

В заметке анонимного автора («Кавказ», № 6, с. 2) фигура Кундухова также используется для формирования памяти о мухаджирстве. Автор заметки писал о слухах, из которых следует, что Муса Кундухов на время вернулся из Турции на Кавказ для сбора среди местного населения «денег во имя гроба Магомета в пользу раненых и увеченных страдальцев-мусульман» (там же, с. 2) и новой пропаганды эмиграции в Османскую империю, «дабы там стать под знамя пророка и доблестно сразиться с гяурами» (там же, с. 2). В заметке приводились ответы персонажей статьи, которые представлялись как «жители Осетии», на вопросы о Мусе Кундухове, в которых они говорили о нем как об «известном черте, т. е. непостижимо хитром и премудром человеке, творящем зло перед богом», и «обманщике, увлекшем в Турцию „лучших людей“ обольстив их обещаниями „золотых гор“... в действительности же он только погубил их, обманутые и босые они возвратились к нам». Как некий «вывод» автор заметок приводил слова одного из «жителей»: «Этот урок [мухаджирства] крепко засел в нашей памяти, и вторично никто не захочет его повторять» (там же, с. 2). Образ Мусы Кундухова представляется в данной заметке, аналогично трактовке Канукова, — как воплощение «обманщика и мерзавца, интригующего в пользу Турции сугубо для личных выгод». Во второй части заметки воспроизводилась песня отправляющихся в Османскую империю мухаджиров, «громко высказывавших свою надежду на счастливую там жизнь и предрекавших остающимся

в подданстве России несчастье». В песне мухаджиров упоминалось и популярное среди горцев-эмигрантов мнение о том, что на их детей будет распространяться рекрутская повинность: «Бедный лишь день тех, кто останется здесь, угрыс (русские) поделают их солдатами» (там же, с. 2). В пародии же на песню мухаджиров, составленной «оставшимися на родине осетинами», представлялось бедственное положение мухаджиров в Османской империи: «дорогою всю провизию растеряли, а сами питались кореньями... это смутило их голодные желудки... с босыми ногами и голыми голенями... задумали возвратиться на родину... оставив в Турции гонор свой» (там же, с. 2). Эти две заметки были опубликованы в кавказской прессе по окончании Кавказской войны и на фоне массовой эмиграции горцев, как ее следствия. В публикациях официальной кавказской имперской прессы в этот период создается образ Мусы Кундухова как «иностранныго агента» и «человека, сменившего родину» (там же, с. 2). Обвинения в адрес Мусы Кундухова в связи с его эмиграцией, высказанные на страницах газеты «Кавказ», первого русскоязычного периодического издания, основанного по инициативе Наместника Кавказа М.С. Воронцова и пользующегося официальной поддержкой имперских властей (Невская, Кондрашева, 2016, с. 3), могут также отсылать нас к мнениям, выраженным в высших эшелонах власти того периода, о целесообразности использования местных посредников в российской имперской политике на Северном Кавказе. Так, командир Отдельного Кавказского корпуса Георгий Владимирович Розен в докладной записке на имя Николая I ставил под вопрос лояльность кавказских аманатов и возможность использования их на русской службе.⁵

В конце XIX — начале XX века обостряются опасения православного духовенства по поводу распространения ислама и отпадения от православия недавно крещеных народов⁶. Эти опасения поддерживаются некоторыми чиновниками и военными, выражающими сомнения в целесообразности имперской политики лояльности к исламу и мусульманам (Круз, 2020, с. 319).

Образ Кундухова как фанатичного мусульманина вновь «возрождается»: на этот раз он используется частью православного кавказского духовенства. В статье «гизельского учителя» Уруймагова, опубликованной во Владикавказских епархиальных ведомостях («Владикавказские...», № 3, с. 51–57), Кундухов обвинялся в том, что, будучи главой Владикавказского округа с 1857 года, он всячески препятствовал распространению миссионерской деятельности православного духовенства. Вплоть до того, что, якобы, угрожал одному из активных ее деятелей, протоиерею Колиеву, «снести ... голову пашкой, если он, Колиев, будет поддерживать архимандрита и не ослабит своих действий, противных духу магометанства» (там же, с. 53). По словам Уруймагова, Кундухов «как лицо влиятельное и притом магометанин» всячески продвигал «своих старшин, которые, вместо исполнения своих основных обязанностей агитировали против православия» (там же, с. 53). Автор статьи также писал, что «тагаурцы-магометане, видя в архимандрите Иосифе (назначенном в 1857 году управляющим осетинскими приходами православной епархии — Р.М.), опасного для своей религии врага, заботившегося о возвращении совратившихся христиан в лоно православия, не прочь были прибегнуть и к насильственным мерам» (там же, с. 54). Упомянув

5. См.: Докладная записка барона Розена на имя императора Николая I о подозрениях в адрес военных из горцев в российской армии. РГВИА Ф. 395. Оп. 144/437, Д. Корнет Кундухов 142. Л. 11.

6. О противостоянии православного духовенства исламу в поздней Российской империи и его страхах перед предполагаемой большей мощью ислама в сравнении с православием и роли в этих предположениях волны «отпадения» из православия в ислам в пореформенные годы см.: Elena Campbell, 2007, pp. 320–348.

о вооруженных нападениях на архимандрита Иосифа, Уруймагов недвусмысленно намекал, что нападавшие могли быть подговорены и подкуплены влиятельными противниками распространения православия в регионе. Как мы можем видеть, в этот период в воспоминаниях православных миссионеров и верующих выстраивался образ Кундухова как мусульманина, пользующегося своим высоким служебным положением для противодействия распространению православия среди народов Кавказа.

Российская империя на новых территориях сталкивалась с народами, которые использовали различные формы права и регулирования общественных отношений, часто не похожие на имперские. В связи с этим имперская администрация часто опиралась на «туземные голоса» для выработки знания о новых колониях. Имперские военные и гражданские чины «из горцев» занимались сбором информации об обычном праве, фольклоре, истории «туземных» народов. Благодаря использованию местных посредников конструировалось знание о культурных, правовых, «цивилизационных» границах народов, проживающих на этих территориях⁷. Муса Кундухов во время управления Владикавказским округом занимался сбором информации об осетинских адатах, позднее вошедшую в сборник известного юриста и историка права Федора Леонтовича (Кавказ: адаты горских народов, 2010, с. 204–207). Помимо этого, Кундухов развернул активную деятельность по искоренению «вредных обычаев». В своем «циркуляре управляющего Осетинским округом... относительно кровной мести и некоторых других вредных народных обычаев» Кундухов писал: «Будучи одноплеменцем вашим и зная хорошо все ваши народные обычаи, я нахожу их не соответствующими духу настоящего времени» (там же, с. 204). Выступая против ряда элементов адата, вроде кровной мести и идолопоклонства, Кундухов указывал на то, что эти явления «препятствуют развитию всякой гражданственности и благоустройства в народе» (там же, с. 204–205). Он также ввел систему штрафов и наказаний среди местного населения за исполнение запрещенных народных обычаев (там же, с. 207). Кундухов, указывая на то, что он лучше ориентируется в «местных обычаях», по сути, претендовал на объективное производство колониального знания, при этом конструируя свой образ как культуртрегера, получившего высшее образование в имперской столице и стремящегося перенести «передовые идеи просвещения» в свои земли. Воспроизведение и интерпретация этого сюжета продолжились в конце XIX — начале XX века. В этот период в кавказской прессе появляется целый ряд публикаций, посвященных вопросам «образования и просвещения горцев». Фигура Мусы Кундухова вновь становится актуальной, но уже не как инициатора мухаджирского движения, а как активного общественного деятеля, «осетина на русской службе».

Осетинский публицист Гуцыр Шанаев⁸ в своей статье «По своей вине» («Новое обозрение», № 2124, с. 2–3), опубликованной в частной газете, издававшейся в Тифлисе, обращается к «образованным горцам Кавказа», упрекая их в том, что они, не желая заниматься изучением и развитием своего края, оставляют это для иностранцев, часто «совсем не знающих края и не желающих ему процветания» (там же, с. 2). Рассматривая представления «просвещенных осетин», Шанаев писал о том, что они зачастую далеки от знакомства с горскими обычаями и вовсе не стремятся познакомиться с собственным народом. Однако при этом автор упоминал некоторые попытки «влияния на народ со стороны природного осетина Мусы Кундухова, который в свое время путем добрых

7. О выработке колониального знания в Российской империи благодаря использованию местных посредников см.: Сартори П., Шаблей П., 2019, с. 38–39.

8. О братьях Шанаевых и «Горском просветительстве» см.: Бобровников В.О., Бабич И.Л., 2007, с. 275–276.

советов и личного примера, а после и используя методы наказаний и штрафов, старался искоренить часть вредных обычаев, разоряющих осетин» (там же, с. 3). В заметке Шанаева Муса Кундухов представляется одним из первых «образованных осетин», в то же время не разрывающих связи с собственным народом. Важным, в связи с поднятым Шанаевым вопросом о «искоренении вредных обычаев», представляется ряд статей Н.С. Мансурова в бакинской газете «Каспий» («Каспий», № 58, с. 2–3). Рассматривая вредные элементы обычного права (адата) у горцев, Мансуров вспоминал о деятельности Мусы Кундухова. «Получивший высшее образование в Петербурге» и будучи «прекрасно знакомым с обычаями осетин», Кундухов представлялся блестящим и результативным администратором (там же, с. 2). Приводя «воззвание» Мусы Кундухова, в котором тот призывает горцев отказаться от обычаев кровной мести, Мансуров писал о том, что именно «просвещенный ум может так тонко чувствовать каждого индивидуума» (там же, с. 3). Мансуров в своей заметке, так же, как и Шанаев, рассматривал Кундухова как «деятеля прогресса, стремящегося облагородить свой народ и привести его к форме „гражданского общества“». Мансуров упоминал об административном успехе Мусы Кундухова во Владикавказском округе: «Поголовно все осетины, без различия сословий и состояний, составили общественный приговор, отменяющий казнь, и постановили необходимость учреждения осетинских народных судов, как и было предписано в воззвании Мусы Кундухова» (там же, с. 3). Кундухов представлялся Мамсурову как удачный пример того, как местная просвещенная интеллигенция, облагороженная «высокой культурой», может стать удачным примером справедливого представителя империи, при этом не разрывающего «тесной связи с родной землей».

Фигура Кундухова актуализируется либеральной частью кавказской интеллигенции на фоне событий, которые происходили в Российской империи в 1905 году. Так, известный осетинский публицист и писатель Гаппо Баев (Георгий Васильевич Баев)⁹ в своей статье «Письма Осетина (работа интеллигенции)» («Казбек», 1905, № 204)¹⁰, упоминая о дискуссии, возникшей на заседании Владикавказской городской думы, вновь обращался к вопросу о «движении осетин к прогрессу». Проводя ретроспективный анализ ряда публикаций авторов XIX столетия, Баев приходил к выводу о том, что благодаря «осетинским школам», основанным представителями Российской империи, «осетины склонны к европейской культуре, и будущее может подарить России в лице их племени добрых и полезных слуг Отечества» (там же, с. 358). Превознося представителей осетинской интеллигенции, автор заметки пишет об исключительной роли, которую она сыграла в процессе облагораживания собственного края за последние полвека (там же, с. 360). Баев писал, что именно в результате Кавказской войны «народная среда выдвинула первых интеллигентов-офицеров», которые, познакомившись с представителями российской аристократии, русской культурой и жизнью, «встали на путь школы и просвещения» (там же, с. 360). В связи с этим автор упоминал и личность Мусы Кундухова как одного из первых офицеров, ратовавших за «прогресс для горцев». Фигура Кундухова у Баева даже вписывается в один ряд с активными деятелями христианского духовенства Осетии, которые изучали и просвещали свой народ (там же, с. 361). Кундухов уже не воспринимается как «мусульманский фанатик», «предатель» и «делец». В заметке Баева его фигура используется скорее в народническом духе, как пример «просвещенной и образованной части осе-

9. О Баеве см.: Lorenz, 2011, с. 83–86.

10. Цит. по: «Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах» в шести томах. 1987, с. 358–365.

тинского народа, всегда защищавшей простых людей и стремящейся приобщить их к великой культуре, желая им лишь добра...» (там же, с. 365).

Фигура Мусы Кундухова вновь становится актуальной в 30-е годы XX века. Прежде всего это связано с событиями, происходившими на Кавказе в первой четверти того века. Несколько революций, борьба за независимость отдельных республик Закавказья и Северного Кавказа и очередная волна кавказской эмиграции актуализировали, как это будет показано далее, дискурсы травмы, отношения к Российской империи, а после и СССР, и Османской империи, части представителей кавказской интеллигенции, оказавшейся в эмиграции. Рост внимания к фигуре Мусы Кундухова был связан также с публикацией его мемуаров в эмигрантском журнале «Кавказ» в Париже в 1936 году. Мемуары были переданы в редакцию журнала его внуком, Бекир Сами Кундухом, первым министром иностранных дел Турции при правительстве Мустафы Кемаля¹¹.

В предисловии к мемуарам осетинский политик, эмигрант Алихан Кантемир характеризовал Кундухова как «...жившего и действовавшего в тяжелую эпоху Кавказской войны за независимость, чье имя (Кундухова — Р.М.) по сие время памятно народам Сев. Кавказа и старой кавказской эмиграции» и «одного из самых замечательных кавказских деятелей» («Кавказ» (Le Caucase), № 4/28, с. 13).

Повествуя о начале военной карьеры Кундухова, Кантемир описывал это время (30-е годы XIX века — Р.М.) как то, в которое «Россия охватила железным кольцом Кавказ и стала грабить и разрушать цветущую страну» (там же, с.14). Кундухов, по словам Кантемира, обладал «блестящей карьерой, генеральским чином, орденами, почетом и славой». Все это, однако, «не принесло ему ни счастья, ни удовольствия». Ведь «перед каждым сознательным кавказцем стала ужасная дилемма о жизни и смерти... все живое шло в патриотическом порыве под знамена на борьбу за независимость» (там же, с. 14). Автор предисловия упоминал о двух братьях Кундухова, которые «стали в ряды национальной армии и, будучи горячими последователями Имама, беспощадно дрались с русскими» (там же, с. 14). Кантемир представлял Кундухова как человека, перед которым встал экзистенциальный выбор, ведь он, Кундухов, «не мог скрестить оружие со своим народом и братьями» и оставался на должностях военно-административного характера, выступая за «нахождение какой-нибудь формулы для установления мира и нормальных отношений между Кавказом и Россией, хотя бы на основах полной автономии Кавказа» (там же, с. 15). Кундухов представляется Кантемиру фактически как посредник, избирающий «если не программу-максимум Шамиля, то свою программу-минимум» (там же, с. 15). После падения Имамата, как писал Кантемир, Кундухов был назначен начальником Чеченской области и в данной должности объявил горцам о прокламации «Императора чеченскому народу, юридическое содержание которой можно рассматривать как признание за этой областью автономии» (там же, с. 15). Кантемир, однако, писал об «обмане» со стороны имперских властей. Автор предисловия считал, что, используя фигуру Мусы Кундухова как посредника, российские военные развернули «насильственное распространение христианства, введение телесного наказания, полное неуважение к обычаям страны и национальным святыням, неприкосновенности жилища и собственности — вот первые действия «культурных» завоевателей, повергшие кавказское население в ужас и отчаяние» (там же, с. 16). Обращаясь к фигуре Кундухова, Кантемир создавал образ «народного заступника»: «Муса боролся всеми доступными

11. Я сознательно оставляю вопросы, которые могут быть связаны с мемуарами Мусы Кундухова, за пределами этой статьи, так как эта тема требует отдельного исследования.

ему средствами против этой несправедливости, ходатайствовал, убеждая, ссорился...» (там же, с. 16). Осознав невозможность компромисса, Кундухов у Кантемира становится «революционером и ненавистником России» (там же, с. 16). Автор предисловия, однако, не одобрял решение Кундухова о переселении, обвиняя его в том, что тот, будучи «талантливым администратором и воином, присоединился к затравленной и обезумевшей массе и, увеличивая ее число, играя[а] на руку петербургским авторам декретов об опустошении Кавказа» (там же, с. 16). Так, наряду с образом народного заступника, Кантемир также конструировал образ Кундухова как недалёковидного политика, который, используя свое положение в обществе, привлек еще большее количество мухаджиров к эмиграции в Турцию, тем самым способствуя «обнажению Кавказа для русской колонизации» (там же, с. 16). В то же время Кантемир полемизировал с мнениями, цитируемыми мною выше, о корысти Кундухова в привлечении переселенцев в Османскую империю. Он указывал на то, что «его (Кундухова — Р.М.) материальное положение было прекрасно, и могло быть еще лучше, если бы он остался в России», и на то, что Кундухов развернул пропаганду эмиграции, лишь «заручившись согласием оттоманского правительства относительно предоставления переселенцам возможности компактного расселения в Анатолии». А значит, заключает Кантемир, «совершенно ясно, что Муса Кундухов, заблудившийся между двух сосен, не был ни турецким, ни русским агентом в деле переселения горцев в Турцию и, следовательно, нельзя его заподозрить и в корысти» (там же, с. 17).

В целом, в статье Кантемира конструируется противоречивый образ Мусы Кундухова. Отмечая положительные качества Кундухова как посредника, Кантемир изображает его как человека, отбросившего «чины и награды» и в первую очередь думающего о своем народе, но, в то же время, видит в нем порою нерассудительного политика.

На публикацию мемуаров Кундухова на страницах журнала «Кавказ» откликнулся и известный юрист, деятель Грузинской демократической республики Зураб Авалишвили. Уже в самом начале своей статьи Авалишвили писал о том, что «путь, указанный Кундуховым своему народу, вел прямо и безошибочно на „кладбище истории“». («Кавказ» (Le Caucase), № 8/44, с. 11). Кундухов у Авалишвили не предстает известным политиком или религиозным деятелем, а лишь человеком, требующим от российских властей «быть честнее, справедливее, не нарушая торжественных обещаний» (там же, с. 11). Авалишвили отмечал, что Кундухов «как человек регулярной европейской военной выучки», видя невозможность противопоставить что-либо русской армии, остался верен Российской империи и не перешел на сторону горцев Шамиля, как это сделали два его брата (там же, с. 13). Авалишвили видел в Кундухове собирательный образ тех, кто стал «материалом будущей горской нации» (там же, с. 14). Тех, кто не поддержал Шамиля и отринул «примитивно-религиозную атмосферу священной войны под знаменем пророка» (там же, с. 14). Таким образом, автор противопоставлял религиозное сознание сторонников имамата современному национальному. Кундухов же представляется Авалишвили «воякой Николаевской эпохи», не выдвигающим никаких политических программ и рассматривающим «догосударственные» общества горцев лишь как придаток к «состоявшимся нациям» турок или русских: «Совершенно ясно, — писал Авалишвили, — что такая доктрина не содержит в себе и зерна горского национализма» (там же, с. 16). Интересным является и то, что Авалишвили указывал на покровительство Кундухова христианскому населению. Так, во время управления Эрзерумом, уже будучи османским военным, «Кундухов пообещал русским войскам обеспечить мир в крае

и сохранить христиан от возможной опасности» (там же, с. 16). Авалишвили, так же, как и Кантемир, порицал решение Кундухова эмигрировать в Османскую империю, вместе с тем отмечая, что способности и авторитет генерала могли бы предотвратить «несчастное, безнадежное восстание в Чечне и Дагестане, дорого им стоившее, хоть и с легкостью подавленное (в 1877 г.)» (там же, с. 17). Заканчивая свою статью, Авалишвили писал: «Урок неудачного Моисея — Мусы, с его обетованной землей — не прошел даром, а халифат, султанство и шариат утратили притягательную силу и в глазах самих турок» (там же, с. 17).

Публикации в кавказской эмигрантской прессе показывают, как фигура Мусы Кундухова актуализируется некоторыми авторами. Используя современный им словарь, они конструируют образ Кундухова как «революционера» («Кавказ» (Le Caucase), № 4/28, с. 16), «природного демократа» или «недалновидного политика» («Кавказ» (Le Caucase), № 8/44, с. 16), оказавшегося, несмотря на высокие идеалы равноправия и свобода для горцев, лишь марионеткой в игре больших политиков. Часть представителей кавказской антибольшевистской эмиграции присваивает фигуру Кундухова как первопроходца, пусть и недалновидного, национального движения кавказских народов¹². Кундухов, уже во многом благодаря эгонарративу, включается в новый спектр дискуссий того времени. Эти публикации, посвященные Мусе Кундухову, можно рассматривать также как продолжение дискуссий, впервые поднятых в первые десятилетия XX века в русскоязычной мусульманской прессе, о месте «просветительства» в деятельности отдельных представителей «кавказской интеллигенции»¹³.

Спустя 30 лет после первой публикации мемуаров Мусы Кундухова его образ реконструируется в произведениях советской литературы. Ряд кавказских авторов обращается к жанру исторического романа. В первую очередь это может быть обусловлено травмой сталинских депортаций и стремлением зафиксировать, пусть и в подтексте, через аналогии, память об этих событиях. В 1968 году на русском языке впервые публикуется роман ингушского писателя Идриса Базоркина «Из тьмы веков». Действие романа начинается в 60-х годах XIX века и заканчивается описаниями первых попыток установления советской власти на Кавказе. Среди нескольких персонажей романа Базоркин выводит и образ Мусы Кундухова. Так, потеряв свой надел земли, один из главных героев романа ингуш Турс решает присоединиться к мухаджирам и эмигрировать в Турцию. Вместе со своим братом Гойтемиром он встречается с Кундуховым, который и уговаривает их присоединиться к эмигрантам:

«— Передай: я тоже горец. Я осетин-магометанин. Меня зовут Муса! Вот, — он сделал широкий жест рукой, — у меня на земле есть все. И это, наверно, больше, чем у других... Но я тоже бросаю все это и еду жить к братьям по вере, в Турцию, к султану! Надо думать не только о своей жизни на земле, но и о вечной жизни там... — Он поднял палец к небу. — Я беру с собой всех, кому дорог Ислам, кто не хочет жить под властью победившего гяура! Мне дана такая сила Аллахом, султаном и царем. После того как я покину этот край, оставшиеся здесь будут пребывать в рабстве на земле и в огне на том свете! ... — Я знаю твою беду. Ты в Турции

12. Об антибольшевистской направленности журнала «Кавказ» и его авторах см.: Георгий Мамулия, 2010, с. 5–45; Mamoulia G., 2009, pp. 191–238.

13. Подробнее о дискуссиях вокруг данных вопросов в среде русскоязычной мусульманской печати см.: Бессмертная О.Ю., 2000, с. 469–530.

будешь иметь столько земли, сколько сможешь вспахать. Зови с собой других. Нечего ингушам сидеть здесь на своих камнях, когда их братья черкесы, чеченцы, оритхоевцы уходят под зеленое знамя пророка! ... — Я даю тебе, — продолжал он, — из своих средств безвозвратно деньги на лошадь и арбу. Это Аллах услышал твои молитвы... Через два дня партия отправляется, она будет идти мимо вашего ущелья... Если будут желающие галгаи (ингуши — Р.М.), ведите их. Я люблю их. Я заберу их с собой!» (Идрис Базоркин. 2002, с. 37).

Базоркин конструировал здесь популярный в дореволюционной кавказской печати образ Кундухова как «магометанина-агитатора», использующего религиозную полемику для пропаганды переселения горцев в Османскую империю. В другом сюжете, используемом автором романа, мы также можем наблюдать переплетение дискурсов, уже рассмотренных мною выше. Описывая званый обед в доме Кундухова, Базоркин обращается сразу к нескольким ключевым сюжетам в конструировании образов героя романа:

«В доме у генерала Мусы званый обед подходил к концу. Среди гостей по преимуществу были офицеры — русские и кавказцы. Многие из них даже не владели родным языком, потому что были из аманатов, взятых в детском возрасте и получивших образование и воспитание в России. Вряд ли военные сейчас отдавали себе отчет в той политике, которая преследовалась выселением горцев в Турцию. С одной стороны, кавказская администрация как будто противилась этому мероприятию, с другой — генерал-майор Муса и его помощники имели широкую возможность беспрепятственно организовывать переселенческие партии и тратить на это подозрительно большие средства» (там же, с. 39).

Базоркин здесь акцентирует внимание на «разрыве» офицеров-аманатов российской армии с «родным» пространством; интересным также представляется то, что автор романа упоминает об использовании Кундуховым имперских средств, выделенных на переселение горцев. Это указание может вписываться в обвинения Кундухова в присвоении части средств, предназначавшихся мухаджирам-переселенцам, высказанные, как было показано мною выше, в дореволюционной кавказской печати.

В романе Базоркина Турс, присоединившись к мухаджирам, оставляет своего новорожденного сына Калоя на Кавказе. Спустя время выросший Калой встречает старика Хамбора, который был среди тех, кто эмигрировал вместе с его отцом. Хамбор рассказывает Калоя о трудностях и лишениях, с которыми столкнулись горцы-переселенцы, и об их попытках вернуться на Кавказ. В рассказе старика Базоркин выводит уже знакомый образ Мусы Кундухова как дельца и двурушника:

*«...объявился тогда генерал русского царя, назвавший себя слугой Аллаха и защитником Ислама, Муса, сын Алхаза. Он призвал правоверных уезжать из страны христиан в страну хонкаров (**Хонкар** — турок (инг.) — Р.М.) ... Нам говорили, что хонкары встретят нас как мухаджиров, пожалеют как братьев по вере, помогут начать снова жизнь. Но это был обман. Муса, сын Алхаза — сын свиньи, сын собаки, — продал нашу кровь, нажрался царских денег и покинул нас. Хонкар-падишах загнал нас туда, где не было ни леса, ни воды, где земля — как жженный кирпич, где не было*

ни кровя, ни живой души. И понял народ обман, подался назад, но „братья-мусульмане“ нас встретили пулями и штыками в спины» (там же, с. 175).

Хамбор в своем рассказе призывает ингушей не эмигрировать в Османскую империю, но и не доверять царскому правительству:

«Давно уже знали горцы, что царские власти не ради добра спешили помогать каждому, кто соглашался покинуть свой край. Чем больше уходило их, тем меньше оставалось царю врагов, тем больше оставалось земель его слугам. Но не знали горцы, как принимал мухаджиров хонкар-надшах. Как принимал их его народ. Теперь узнали» (там же, с. 177).

В романе Базоркина обнаруживается целая мозаика конструкторов памяти. Обращаясь к образу Кундухова, автор использует как существующие уже около века дискурсы о «предательстве», «жажде наживы» Кундухова, так и новый паттерн воспоминания о его фигуре, воплощенный в речи Хамбора, который призывает ингушей и, шире, кавказцев опираться лишь на свои силы. Тем самым высказывается недоверие как к российской власти и ее посредникам из числа горцев, так и к любым внешним акторам, пусть даже и представляющимся благодетелями.

Публикация мемуаров Мусы Кундухова не была известна в СССР, как и их перевод на турецкий, выполненный публицистом абхазского происхождения Муратом Яганом, изданный в Стамбуле в 1978 году (*General Musa...*, 1978, р. 106). Впервые опубликованные в России в 1995 году (Мемуары Мусы Кундухова, 1995, с. 127) благодаря находке номеров парижского журнала «Кавказ» российским историком Владимиром Дегоевым мемуары Кундухова вызывают широкий интерес и актуализируют дискуссии в исследовательской среде. Образ Кундухова вновь «возрождается» в памяти и вписывается в конструирование постсоветских национальных идентичностей, когда он представляется, например, как «зачинатель осетинской литературы» (Хугаев, 2017, с. 62). В то же время образ Кундухова включается в дискуссии о мухаджирском движении как геноциде кавказских народов в Российской империи. Он изображается как проводник самодержавной политики выселения горцев и «как осетинский ... генерал, принесший интересы целого народа в жертву своим корыстным интересам» (Бадаев, 1999, с. 45–55). Работам подобного рода противостоят мнения о невозможности альтернативного сценария вхождения Кавказа в состав Российской империи: «...“имперский сценарий” вхождения горцев в цивилизацию был не идеальным. Однако позволим себе спросить: а существует ли вообще идеальный сценарий для такого сложнейшего процесса? Если обратиться к истории “колониальных” и “державных” народов, которым пришлось дорого заплатить за усвоение уроков цивилизации, ответ будет отрицательным» (Дегоев, 2003). Отсюда вытекают вопросы о месте Кундухова в этих событиях как офицера, ставящего перед Россией «абсурдную для нее задачу — в материальном плане цивилизовать Северный Кавказ на европейский лад, а в духовном — объединить его идеями ислама, чтобы в конце концов потерять этот важный регион, предварительно оплатив его независимое состояние» (там же). Мы можем наблюдать, как спустя полтора века фигура Кундухова продолжает актуализироваться, включаться в различные дискуссии о прошлом, настоящем и будущем в различных нарративах.

Источники

- «Владикавказские епархиальные ведомости», № 3. Владикавказ (1 февраля) 1900.
 «Кавказ» (Le Caucase), № 4/28. Париж. (Апрель) 1936.
 «Кавказ» (Le Caucase), № 8/44. Париж. (Август) 1937.
 «Кавказ», № 267. Тифлис. (26 ноября) 1878.
 «Кавказ», № 275. Тифлис. (6 декабря) 1878.
 «Кавказ», № 6. Тифлис. (21 января) 1877.
 «Каспий», № 58. Баку. (16 марта) 1894.
 «Новое обозрение», № 2124. Тифлис. 1890.
 Абузар Айдамиров (1996). Долгие ночи (роман). М: Аргграф.
 Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917). Биографический словарь в 4-х томах. Сост. Е.А. Потемкин. — Москва: Б. и. 2019. Т. 2.
 Идрис Базоркин (2002). Темные ночи (роман). М: Диопан.
 Кавказ: адаты горских народов. Нальчик. Изд-во М. и В. Котляровых. 2010. Вып. IV.
 Мемуары Мусы Кундухова // Дарьял. № 2. 1995.
 Научно-популярный сборник «Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах» в шести томах. Составитель — Л.А. Чибириков. Цхинвали: Иррыстон, 1982. Т. 2.
 РГВИА Ф. 395. Оп. 144/437. Д. Корнет Кундухов № 142. Л. 11.
 General Musa Kundukhov'un Anilari (1978). Istanbul: Kafkas Kültür Dernekleri Yayını. 1978.

ЛИТЕРАТУРА

- Benedict Anderson (1990). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and the Spread of Nationalism*. London: Verso.
 Elena Campbell (2007). *The Muslim Question in Late Imperial Russia. Russian empire: space, people, power, 1700–1930*.
 Mamoulia G. (2009). *Les combats indépendantistes des Caucasiens entre URSS et les puissances occidentales. Le cas de la Géorgie*.
 Manfred Lorenz (2011). *Gappo Bajew und die Ossetische Literatur*. Известия СОИГСИ, вып. 5(44).
 S.L. Dudarev (2017). *On the Question of the Terms «Muhajirun» and «Muhajirism»*. *Bylye Gody*, Vol. 44, Is. 2.
 Michael Khodarkovsky. *The Return of Lieutenant Atarshchikov: Empire and Identity in Asiatic Russia*. *Ab Imperio*, 1/2009.
 Алейда Ассман (2018). *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М.: НЛО.
 Бадаев С.-Э. с. (1999). Чеченское мухаджирство второй половины XIX века как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе. *Научная мысль Кавказа*, № 4 (20).
 Бессмертная О.Ю. (2000). *Русская культура в свете мусульманства: текст и поступок*. Изд-во Библейско-богосл. ин-та св. апостола Андрея.
 Бессмертная О.Ю. (2010). *Как рассказать биографию негодя? Мусульманский Азеф, или ровесник Ленина. Право на имя: Биографика в XX в.*
 Бобровников В.О. (2010). *Мухаджирство в «демографических войнах» России и Турции. Восток (Oriens)*, № 2.

Бобровников В.О. (2008). Мусульмане после архивной революции: взгляд с Кавказа и из Болгарии. *Ab Imperio*, № 4.

Бобровников В.О., Бабич И.Л. (2007). Северный Кавказ в составе Российской империи. М: НЛО.

Ганич А.А. (2008). На службе двух империй: жизнь генерала Мусы Кундухова. Наука, № 4.

Георгий Мамулия (2010). Его высшим политическим идеалом была Кавказская конференция: Гайдар Баммат и группа «Кавказ» (1934–1939).

Дегоев В.В. Генерал Муса Кундухов: история одной иллюзии. Звезда. 2003, № 11. [URL]: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/11/general-musa-kunduhov-istoriya-odnoj-illyuzii.html> (дата обращения: 20.05.2020).

Дзагурова Г.Т. (1992). Под российскими знаменами. Владикавказ: ИП.

Кануков Инал Дударович (1850–1899). [URL]: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=376> (дата обращения: 20.05.2020).

Майкл Ходарковский (2019). Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М: НЛО.

Морис Хальбвакс (2007). Социальные рамки памяти. М: Новое издательство.

Озова Ф.А. (2009). Аманаты Черкесии в период царствования Иоанна IV Васильевича. Эль-Фа.

Роберт Круз (2020). За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М: НЛО.

Сартори П., Шаблей П. (2019). Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М: НЛО.

Т.А. Невская, А.С. Кондрашева (2016). Роль Кавказского наместничества в развитии русско-грузинских отношений (1844–1881). Гуманитарные и юридические исследования.

Ф.Б. Шенк (2001). Политический миф и коллективная идентичность: миф Александра Невского в российской истории (1263–1998). *Ab Imperio*, № 1–2.

Хугаев И.С. (2017). Исповедь осетинского мухаджира: к поэтике «Мемуаров» генерала Мусы Кундухова. *Филологические науки*, № 1.

Чочиев Г.В. (2006). Генерал Муса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции. *Кавказский сборник*. Т. 3 (35).

REFERENCES

Aleida Assman (2018). *The long shadow of the past. Memorial culture and the politics of history*. Moscow: NLO (in Russian).

Badayev S.-E.S. (1999). Chechen muhajirstvo of the second half of the XIX century as a consequence of the policy of autocracy in the North Caucasus. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, No. 4 (20), pp. 45–55 (in Russian).

Bessmertnaya O.Y. (2000). Russian culture in the light of Islam: text and act. *Izd-vo Bibleysko-bogosl. in-ta sv. apostola Andrey*a (in Russian).

Bessmertnaya O.Y. (2010). How to tell the biography of a scoundrel? Muslim Azef, or the coeval of Lenin. *Pravo na imya: Biografika v 20 v.* (in Russian).

Bobrovnikov V.O. (2008). Moslems after the archival revolution: a view from the Caucasus and from Bulgaria. *Ab Imperio*, No. 4 (in Russian).

Bobrovnikov V.O. (2010). The Muhajirun in the “demographic war” between Russia and Turkey. *Vostok (Oriens)*, No 2 (in Russian).

Bobrovnikov V.O., Babich I.L. (ed.) (2007). The North Caucasus is part of the Russian Empire. Moscow: NLO (in Russian).

Chochiev G.V. (2006). General Musa Kundukhov: some facts of life and activity in emigration. Kavkazskiy sbornik, Vol. 3 (35) (in Russian).

Degeev V.V. General Musa Kundukhov: the history of one illusion. Zvezda. 2003. No. 11. [URL]: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/11/general-musa-kunduhov-istoriya-odnoj-illyuzii.html> (in Russian).

Dzagurova. G.T. (1992). Under the Russian flags. Vladikavkaz: IR (in Russian).

F.B. Schenk (2001). Political myth and collective identity: the myth of Alexander Nevsky in Russian history (1263–1998). Ab Imperio, No. 1–2 (in Russian).

Ganich A.A. (2008). In the service of two empires: the life of General Musa Kundukhov. Nauka, No. 4 (in Russian).

Georgiy Mamulia (2010). His highest political ideal was the Caucasus conference: Gaidar Bammatt and the Caucasus group (1934–1939) (in Russian).

Khugaev I.S. (2017). Confessions of an Ossetian Muhajir: to the poetics of the «Memoirs» of General Moussa Kundukhov. Filologicheskiye nauki, No. 1 (in Russian).

Maurice Halbwachs (2007). Social limits of memory. Moscow: Novoye izdatelstvo (in Russian).

Maykl Khodarkovskiy (2019). Steppe borders of Russia. How the colonial Empire was created 1500–1800. Moscow: NLO (in Russian).

Ozova F.A. (2009). Amanats of Circassia during the reign of Ivan IV. El-FA (in Russian).

Robert Cruz (2020). For Prophet and Tsar. Islam and the Empire in Russia and Central Asia. Moscow: NLO (in Russian).

Sartori P., Shabley P. (2019). Experiments of the Empire: Adat, Sharia and the production of knowledge in the Kazakh steppe. Moscow: NLO (in Russian).

T.A. Nevskaya. A.S. Kondrasheva (2016) Rol Kavkazskogo namestnichestva v razvitii rusko-gruzinskikh otnosheniy (1844–1881). Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya (in Russian).

Kanukov Inal Dudarvich (1850–1899). [URL]: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=376> (in Russian).